

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИССЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ приобретенію въ фундамен-
тальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комите-
томъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управле-
ніемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед.
Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при
Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ.
На первой Всероссийской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году
Редактору-Надателью А. А. Хованскому присужденъ похвальный
отзывъ за продолжительную полезную надательскую дѣятельность
въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Иванова.

1903

Очерки Яблоновскаго: „Изъ гимназической жизни“, какъ отраженіе общественныхъ настроеній.

Первый годъ новаго столѣтія былъ повстаніемъ временемъ «бури и натиска» для нашей средней школы. И общество, и печать, и представители той же школы, и правительство,—все пошло противъ системы, созданной гр. Д. А. Толстымъ и пережившей нѣсколькихъ министровъ народнаго просвѣщенія въ теченіе трехъ десятилѣтій. Чаянія и стремленія всѣхъ культурныхъ русскихъ людей направлены къ разрушенію старой классической гимназіи и созданію новаго типа общеобразовательнаго заведенія, которое бы соответствовало духовнымъ запросамъ и практическимъ потребностямъ современной жизни. Однако такое дружное осужденіе отживающихъ педагогическихъ началъ далеко не свидѣтельствуетъ даже о приблизительномъ единствѣ или согласіи въ воззрѣніяхъ на задачи и систему среднего образованія—у семьи, помѣщающей дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, и у лицъ, вѣдающихъ дѣло образованія и воспитанія. Этотъ тягостный разладъ между семьей и школой ярко отразился въ очеркахъ г. Яблоновскаго: «Изъ гимназической жизни», помѣщенныхъ въ журналѣ: «Міръ Божій», за 1901 годъ (№№ 6—9). Живость и увлекательность, съ какими написаны «Очерки», не можетъ заслонить отъ безпристрастнаго и серьезнаго читателя ихъ тенденціозности и преднамѣреннаго отступленія отъ действительности.

ности, въ расчетѣ автора покончить съ недавнимъ прошлымъ нашей школы, которое, по простому сближенію годовъ, является и настоящимъ, такъ какъ «Очерки» изобразяють послѣднее десятилѣтіе истекшаго вѣка. Но въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ не то, въ какихъ именно отношеніяхъ и въ какой степени тяжелая, по замыслу автора—типическая, картина гимназическихъ нравовъ погружается въ правдивости. Изъ-за личныхъ впечатлѣній и воспоминаній молодого автора вытекають тѣ основныя положенія, на которыхъ общество, въ известной своей части, готово обосновать среднее образованіе; въ отрицаніи этихъ точекъ зрѣнія официальной педагогіей г. Яблоновскій, являясь выразителемъ широко распространенныхъ мнѣній, усматриваетъ зерно всѣхъ золъ, наполняющихъ школьную атмосферу. Эти теоретическіе взгляды, пропагандируемые авторомъ «Очерковъ», и составляютъ предметъ нашего обсужденія; и если педагогамъ приходится считаться съ понятіями и убѣжденіями родителей и даже учениковъ, то не бесполезно и другой сторонѣ выслушивать мнѣнія, исходящія отъ лицъ, которымъ дорого хорошо имъ известное школьное дѣло. Перейдемъ къ причинамъ безотраднаго настроенія г. Яблоновскаго въ отношеніи къ среднему образованію, которое, судя по статьямъ писателя, посвященнымъ педагогическимъ вопросамъ, серьезно занимаетъ и волнуетъ его.

Въ «Очеркахъ» мы наталкиваемся на весьма распространенное въ обществѣ отрицательное отношеніе не къ однимъ древнимъ языкамъ, а ко всей «гимназической премудрости». Вся система средней школы, программы, способъ преподаванія, задаваніе уроковъ, отбитіи, школьная дисциплина, внѣшній надзоръ,—все вызываетъ недовольство, отвращеніе и даже негодованіе

учащихся старшихъ классовъ и изъ вѣрныхъ союзниковъ — родителей. Огульное недовѣріе къ способностямъ и къ нравственной порядочности учителей доходитъ до того, что въ «Очеркахъ» изображается педагогическая корпорація, среди которой нѣтъ ни одного человѣческаго лица, и гимназисты—абитуриенты, при традиціонной снискѣ, могутъ пригласить только лишь... швейцара. Нельзя оспаривать, что наша школа, не только классическая или средняя, но и всякая другая, повинна въ подавленіи личности, въ нивелировкѣ способностей, вкусовъ, склонностей и силъ учащихся; наши среднія учебныя заведенія страдаютъ многопредметностью программъ и другими недостатками болѣе случайнаго характера: но та свободная постановка преподаванія, какую изображаютъ «Педагогическія статьи» г-на Дѣва Толстого, является идеальной, по крайней мѣрѣ, несвоевременною, не только для насъ, но и для западной Европы, что станетъ ясно, если вспомнимъ суровые и даже жестокіе нравы германской школы. Общество не настолько богато умственными и нравственными силами, чтобы могло выдѣлать изъ себя достаточное число талантливыхъ педагоговъ, которые бы вызывали у своихъ учениковъ жажду познаній, увлекая ихъ въ область духа единственно своими дарованіями и высотой своей личности. Учителятвуютъ въ гимназіяхъ, мужскихъ, женскихъ, въ реальныхъ училищахъ, въ корпусахъ, семинаріяхъ—тѣ же обыкновенные люди, съ патентомъ на образованность, которыхъ такъ много въ разныхъ учрежденіяхъ и на поприщахъ свободныхъ профессій, каковы—врачебная и даже адвокатская. Окунаясь въ условія вседневности, мы можемъ откровенно сказать, что авторъ «Очерковъ», пожалуй, безсознательно отражаетъ ходячее убѣжденіе тѣхъ родителей, которые, по принципу:

«Живи и жить давай другимъ», узаконяють легкое отношеііе къ ученію, находя систему сказаннаго «образованія съ характеромъ»: солидности и основательности никому и ни къ чему ненужной и направленной къ мученію молодыхъ людей, которыхъ, никакъ и взрослыхъ, манитъ пестрѣющая впечатлѣніями кипучая жизнь, въ сущности сѣренькое неосмысленное прозябаніе, такъ ярко отразившееся на протяженіи многихъ десятилѣтій въ нашей художественной литературѣ включительно до произведеній вдумчиваго и талантливаго бытописателя современности, г. Чехова. «Развѣ большіе учатся чему-нибудь? Станетъ надворный совѣтникъ учиться» ¹⁾: «Всѣ эти чиновные и умные люди, ни одинъ не скажетъ, какой это консулъ тамъ... или въ которомъ году были Олимпійскія игры: Затѣмъ и учатъ, чтобъ забыть... Видѣ въ свѣтѣ объ этомъ никогда не говорятъ, а заговори-ка кто, такъ, я думаю, просто, выведутъ» ²⁾. И въ наше время приходится выслушивать недоумѣнія Ильи Ильича Обломова: «Зачѣмъ учебныя книги? Когда же, наконецъ, пускать въ оборотъ этотъ капиталъ знаній, изъ которыхъ большая часть еще ни на что не понадобится въ жизни. Политическая экономія, напримѣръ, алгебра, геометрія?»... ³⁾ А отдѣлы математическихъ наукъ проходятся въ гимназіяхъ настолько основательно, что классики успѣваютъ конкурировать съ реалистами при поступленіи въ высшія учебныя заведенія. Понятно, что такіа познанія не даются безъ затраты силъ и времени, и не правъ г. Яблоновскій, будто всю гимназическую премудрость можно одолѣть въ ка-

¹⁾ Гончаровъ. «Обломовъ», ч. 1, стр. 65. Изд. Маркса.

²⁾ Гонч. «Обыкновенныя исторіи», ч. II, стр. 78, 79).

³⁾ Гонч. «Обломовъ», ч. I, стр. 76.

ка-нибудь три года: Враждебное отношеніе общества къ правительственной школѣ звучною нотой проходитъ по всей нашей исторіи, и никакъ нельзя согласиться, чтобы причины недовольства всецѣло обусловливались неудовлетворительнымъ состояніемъ учебныхъ заведеній. Начальная лѣтопись сохранила намъ любопытное свидѣтельство, какъ встрѣтили школу на зарѣ нашего просвѣщенія русскія матери: «Пославъ (Владимиръ Святый) нача поимати у нарочитыхъ чады—дѣти, и дати нача на ученіе книжное; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣроу, но аки по мертвецы плакахуся»⁴⁾. Какъ и всѣ мѣропріятія императора Петра Великаго, насажденіе знаній отличалось крутымъ, принудительнымъ характеромъ, и русскіе люди смотрѣли на образованіе, какъ на тяжелую государственную повинность, воими силами стараясь отъ нея уклониться. Ученики часто находились въ бѣгахъ; ихъ ловили, «тащали» въ училища, а за неявку изъ отпуска школьныя правила грозили каторгой и смертною казнью⁵⁾. Въ числѣ причинъ противодѣйствія мѣрамъ по образованію слѣдуетъ усматривать не только насильственный и сословнослужебный характеръ его,⁶⁾ но и ту стремительность и настойчивость, съ которыми стали насыщать наукою молодые умы, вопреки понятіямъ и всему укладу медленной и косной жизни до-Петровской Руси. На смѣну мирнаго и несложнаго ученія по стиришъ у дьячковъ и другихъ «мастеровъ» является сѣшное усвоеніе новыхъ наукъ, созданныхъ Европою,

⁴⁾ Русская хрестоматія Буслаева, стр. 36.

⁵⁾ Демковъ. «Исторія русской педагогіи», ч. II, стр. 54.

⁶⁾ Владимирскій—Будаговъ. «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка», стр. 240.

загадочною и непонятною для нашихъ предковъ соседкою. Нельзя оставить безъ вниманія и того критическаго отношенія лучшихъ людей своего времени къ противникамъ насильственной культуры, какое мы видимъ у Лѣтписца, объясняющаго протестъ матерей недостаткомъ иѣры, иѣры въ новую религію, новую веру, для которой такъ нужны были книжные люди. Начинатели нашей сатиры неустойчиво осмѣивали враговъ школы и просвѣщенія. Такъ, въ одной интерлюдіи Петровскаго времени въ комическомъ тонѣ излагаются виршами причитаныя дѣла, что его дѣтей берутъ въ семинарію:

«Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя
и родиться,

Того жъ часа киселюмъ задавиться и въ водѣ
утопиться...

Лучше бъ насъ своими руками въ землю за-
копать,

Нежели въ семинарію на муку отдать⁷⁾»).

Кантемировскій Лука въ сатирѣ: «Къ уму своему» — взрослый школьникъ, которому надоели учебныя книги, и которому не пріятны желанія «иныхъ» людей, чтобы «все его содружество, вся его ватага были чернило, перо, песокъ да бумага»⁸⁾). Длинный рядъ порицаній и осмѣяній неувѣждъ въ литературныхъ изображеніяхъ XVIII в. завершается безсмертнымъ «Недорослемъ» Фонвизина. Неподвижность Московской Руси и благія слѣдствія преобразования примиряютъ и современныхъ послѣдователей исторіи и литературы (не славянофильскаго лагеря) съ той безоппадиностію, съ какою Петръ Великій про-

⁷⁾ Порфирьевъ: «Истор. русской словесности», ч. II, стр. 116.

⁸⁾ Житецкій: «Теорія поэзіи», стр. 103.

водилъ свои просвѣдательныя начинанія, отнимая дѣтей у родителей и усылая отцовъ семействъ учиться въ далекія, невѣдомыя страны народовъ безбожныхъ, еретическихъ⁹⁾. Окрытмя къ царствованію императрицы Екатерины Второй, по уставу 1786 года, такъ называемыя народныя училища, главные и малыя, пустовали, благодаря равнодушію къ нимъ населенія, предпочитавшаго обучать дѣтей у дячковъ, и власти предписывали училищному начальству настаивать о посѣщеніи у родителей и опекуновъ при содѣйствіи полиціи¹⁰⁾. Въ числѣ причинъ непріятія къ новымъ училищамъ нужно считать рутину и боязнь новшествъ, угрожавшихъ усложненіемъ и расширеніемъ курса образованія. Таковы были отношенія между семьей и школою въ далекомъ прошломъ. Но обратимся къ настоящему. Взамѣнъ усвоенія гимназическаго курса г. Яблоновскій предлагаетъ чтеніе (по преимуществу критической литературы), сходясь, повидимому, съ случайнымъ мнѣніемъ Пушкина, что «чтеніе есть лучшее ученіе», какъ сказано въ одномъ письмѣ поэта къ брату Льву, молодому человѣку, съ поверхностнымъ образованіемъ¹¹⁾. Нечего

⁹⁾ «Не безъ горя и не безъ слезъ отиралились наши царедворцы въ дальніе края, гдѣ не бывала ни отцы, ни дѣды ихъ, для дѣла мудренаго, тѣлостнаго, несообразнаго ни съ званіемъ ихъ, ни съ склонностями, и тѣмъ болѣе труднаго, что едва ли кто изъ нихъ понималъ какой-либо языкъ иностранный. Большею частію они были женаты, имѣли дѣтей, и легко вообразить, сколько плачущихъ оставалось въ Москвѣ. Многіе, сверхъ того, роптали на посмѣху молодыхъ царедворцевъ въ еретическія земли». Устряловъ. «Исторія Петра Великаго, т. II, стр. 316.

¹⁰⁾ «Журналъ М. Н. Пр.» 1864 г. № 1, стр. 9.

¹¹⁾ Изъ Кнѣзевна. 21 іюля 1822 г.

и говорить, что подобной своеобразной постановки общаго образования не может допустить никакая серьёзная школа. Наука растёт, знания умножаются, и для развитія душевных сил учащагося, для сообщенія ему не-обходимаго запаса свѣдѣній нужна большая обдуманность, нужна строгая система, нужны методы, усовершенствованные приёмы, словомъ, нужно все то, что составляет искусство преподаванія,—практическую педагогическую¹³⁾. Обосновавъ учебное дѣло на чтеніи, г. Яблоновскій прилагаетъ особенныя заботы о развѣченіиъ учениковъ, у которыхъ должно оставаться много свободнаго времени. Такими пріятными и полезными развлеченіями являются—театръ и любовныя похождения. Г. Яблоновскій совѣтуетъ посвѣщать театръ возможно

¹³⁾ Тутъ мы должны сдѣлать оговорку. Газеты и толстые журналы стараются убѣждать учителей въ пользѣ чтенія книгъ и ставятъ ихъ въ положеніе голодающаго, которому доказываютъ необходимость ежедневно принимать пищу. Такъ, въ «Мірѣ Воиѣмъ» читаемъ: «Воѣ педагога, каковы бы вѣлобно они ни относились къ чтенію должны признать въ душѣ, что именно ученики, которыхъ они такъ часто ловили и ловятъ за «постороннимъ чтеніемъ»,—лучшіе ученики по развитію и поведенію («М. В.» 1901 г. № 12. «Критич. очерки», стр. 8). Въ послѣднее время не только преподаватели русскаго языка или исторіи, а всѣ учителя хлопочутъ о начитанности учениковъ по своему предмету, и тѣ справедливо жалуются на обремененіе домашними работами. Далеко не всѣ учащіеся охотно читаютъ, не у всѣхъ одинаковыя вкусы въ выборѣ книгъ; но въ каждомъ старшемъ классѣ есть группа увлекающихся чтеніемъ преимущественно литературнымъ, при чемъ въ центрѣ этой группы всегда евреи, обыкновенно лучшіе ученики по русской словесности».

чаще. Его фаворитъ, ученикъ VII кл. Трубецкой, несмотря на запрещеніе гимназическаго начальства, постоянно въ оперѣ. Попавшись за десятымъ разомъ, онъ, подѣ страхомъ исключенія изъ гимназіи, можетъ выскочить дома три недѣли и потомъ, переодѣвшись въ штатское, снова идетъ въ театръ. Фиксировавшись на полезной сторонѣ сценическаго искусства, г. Яблоновскій совсѣнно забываетъ о вредѣ пресыщенія удовольствіями и душевномъ переутомленіи впечатлѣніями. Какъ должно всколыхнуть молодую душу, томимую жаждой жизни, яркое освѣщеніе зрительнаго зала, шумная толпа, изысканныя дамскіе туалеты, сцена съ характерными костюмами, граціозными движеніями балета, пѣніемъ, музыкой, поднимающей въ глубинѣ сердца неизвѣданныя тайныя ощущенія и предчувствія. А на другой день уроки—Геродотъ, Олимпійскія игры, биномъ Ньютона или хотя бы естествознаніе съ его систематикой и классификаціей. Если современная школа не можетъ проводить аскетической морали автора «Крейцеровой сонаты», то во всякомъ случаѣ рациональная педагогія должна съ извѣстной осмотрительностью относиться къ такимъ нарушеніямъ школьнаго режима, какъ театры, концерты, балы и другія увеселительныя общественныя собранія. Во всякомъ случаѣ созерцаніе, непринужденнаго обращенія военныхъ писателей и полковыхъ изъ гостиницъ съ своими дамами въ райхъ какого-либо провинціальнаго театра—балагана не представляетъ ничего назидательнаго для учениковъ, хотя бы то были дѣти прачекъ и денщиковъ. А между тѣмъ г. Яблоновскій побуждаетъ родителей добиваться разрѣшенія для учащихся посѣщать галерею. Если г. Яблоновскій имѣлъ въ виду театры университетскихъ городовъ, гдѣ галерея заповѣдается преимущественно учащейся моло-

дежью, то ему не слѣдовало открывать простора для широкихъ выводовъ и обобщеній, тѣмъ болѣе не слѣдовало соблазнять «малыхъ сихъ». А такихъ соблазновъ въ «Очеркахъ» достаточно... Авторъ весь отдается изображенію вѣги южной ночи, заманчиво рисуя повстачскіе угобы приморскаго бульвара, гдѣ происходятъ свиданія влюбленныхъ гимназистовъ и гимназистокъ. Кажется, смѣхъ авторъ переживаетъ сладкія мгновенія, считая ихъ поцѣлуи и прислушиваясь къ ихъ звуку. Пошлыя и грязныя ухаживанія за горничными ученика Кривцова авторъ безусловно осуждаетъ, но отношеніе его къ красавцу Хіонаки, у котораго съ пятого класса содержанки, не опредѣленно; объ этомъ знаютъ товарищи, открыто шутать, совѣтуя, когда у него родится сынъ, взять въ кумовья учителя математики, который безперемонно напрашивается съ визитами въ ученикамъ, живущимъ у родителей. Вогнячъ Хіонаки — добрый малый; онъ посылаетъ заключеннымъ въ карцеръ жареную индѣйку, винограду, грушъ, предлагаетъ деньги на покупку экзотическихъ темъ. Мало сказать про грядущее такого поколѣнія, что оно «пусто иль темно»... Что хорошаго можетъ ожидать общество отъ хлыщеватаго Трубчевскаго, который въ гимназіи успѣлъ пережить четвертую любовь? Не знающій прочныхъ привязанностей, не понимающій требованій долга, Трубчевскій станетъ искать въ жизни разнообразія, новизны, денегъ, пошимо труда, и не одну жизнь разобьетъ этотъ легкомысленный и безвольный романтикъ, несмотря на доброту, мѣлкость и другія хорошія качества души. — Изображенные въ «Очеркахъ» гимназисты очень способны и развиты; ученіе дается имъ легко; они складно говорятъ и мыслятъ, нѣкоторые участвуютъ стихами и прозой въ мѣстныхъ органахъ печати. Но учебное заведе-

ніе, по смыслу «Очерковъ», ничѣмъ не повинно въ ихъ развитости и умственной бойкости: все это добыто чтеніемъ, товарищескимъ общеніемъ и вліаніемъ такихъ родителей, какъ отецъ Трубчевскаго, адмиралъ съ сѣдой и красивой головой. На ряду съ лишеніемъ школы всякаго благотворнаго значенія было бы справедливо сложить съ нея насчетъ общественной ответственности хоть часть тѣхъ золъ, тѣхъ печальныхъ явленій въ ученической жизни, виновниками которыхъ такъ охотно и такъ ожесточенно любятъ выставлять безсердечныхъ педагоговъ. Покушенія разныхъ видовъ на самоубійство и вооруженныя нападенія на учителей и учительницъ изъ-за отдѣльных отмытокъ, какъ это наблюдалось въ Саратовѣ и Кутаясѣ, есть слѣдствіе не только школьных порядковъ, но и продуктъ общественныхъ вѣдѣній. Тутъ мы охотно сошлемся на авторитетъ г. Лесгафта: «Всѣ типичныя явленія, замѣчаемыя у ребенка въ школѣ, составляютъ неминуемое и неотражимое послѣдствіе условій, при которыхъ ученикъ жилъ въ до-школьномъ періодѣ»¹³⁾. Школа, разумѣется, не исключаетъ дальнѣйшаго вліанія домашней обстановки, и на дѣтяхъ всякихъ возрастовъ такъ или иначе должны отражаться такіе уклоны отъ разумной жизни, какъ невѣжество, нравственная распущенность, семейный разладъ, увлеченіе картами, виномъ. Не остается безучастной гимназическая молодежь и къ моднымъ теченіямъ въ области мысли и нравственности въ видѣ декадентства, витшенства, исканія новой красоты.

Жестоко ошибаются тѣ, кто считаетъ простыми и нормальными отношенія между преподавателями и учащи-

¹³⁾ Лесгафтъ. «Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе», ч. II стр. 182.

мися дѣломъ легкимъ, зависящимъ отъ добраго желанія первыхъ. Молодость сама по себѣ самоуверенна, требовательна, безпощадно строга къ чужимъ промахамъ, легко относится къ собственнымъ ошибкамъ. Какъ не складно лицо и фигура юноши, черезъ два-три года красиваго молодого человѣка: такъ неровенъ у него характеръ, не постоянна манера держать себя. Дома онъ — портнѣрь въ винтъ, кавалеръ — танцоръ на вечерахъ и даже интересный женихъ въ недалекомъ будущемъ. Въ гимназій онъ готовъ дурачиться, дѣлать товарищамъ смѣхъ, загибать салазки. Его формирующемуся самолюбію чужды вездѣ насмѣшки, обиды. Заботливо оберегая свое достоинство, онъ безъ причины переходитъ на рѣзкій тонъ, и много нужно самообладанія, такта, много знаній и умѣнья, чтобы ладить съ этими неустановившимися, невыбродившимися натурами. Въ классѣ учителю приходится считаться съ различными характерами, темпераментами, склонностями, различными взглядами и вкусами. Въ общемъ, мягкіе и сердечные, ученики легко поддаются чувству стадности и инстинктамъ толпы, и тогда они становятся несправедливыми, безсознательно жестокими, и не одинъ учитель затаилъ горечь незаслуженной обиды ¹⁴⁾. Но кто черезъ горнило неприязни и нерасположенія вынесъ любовь къ дѣлу учительства, тотъ съ радостію будетъ привѣтствовать, по слову поэта, «молодое, незнакомое племя», въ которомъ учитель ви-

¹⁴⁾ Въ архивахъ можно бы слѣдять любопытное собраніе историческихъ документовъ въ родѣ официальной жалобы учителя французскаго языка 1816 г., гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: «Нѣкоторые ученики дошли даже до того, что бросали въ мою дверь камни и кричали въ тѣмъ ставили меня бояться лишиться жизни. Будучи въ такомъ

дить печать своего духа, и велика его нравственная награда—вѣра въ повышение стремленія къ истинѣ въ юной средѣ, идущей ему на смѣну.

Не веселую жизнь съ лихичами, безпрестанными развлечениями и любовными интригами должна предлагать школа настоящаго или будущаго. Школьное время жизни—время труда, терпѣнія, ограниченій и даже лишеній¹⁵⁾ Самая сердечность педагога не должна перехо-

отчаянномъ положеніи, и рѣшился положить немного пороку въ пистолетъ и выстрѣлить изъ него въ воздухъ для того только, чтобъ разогнать сіе азомыслищее юношество. ...Я принужденъ былъ возвратиться домой и плакать отъ печали, видя себя при концѣ печальной моей жизни такимъ образомъ мучимаго». Дѣла Черниговской гымн. 1816 г.

¹⁵⁾ Въ современной школѣ ученики, которые трудятся разумно, обладаютъ терпѣніемъ, переносятъ лишенія, считаются единаками. Мы не беремся указывать причины легкомысленнаго отношенія учащихся къ своему дѣлу (причинъ этихъ много), но укажемъ на печальный фактъ. Намъ приходилось бесѣдовать съ учащимися, слышать ихъ горячіе отзывы и о любимыхъ учителяхъ за ревностное отношеніе послѣднихъ къ своему дѣлу, за умѣнье уяснить ту или другую истину, видеть; но и это благотворное вліяніе педагоговъ на питомцевъ развѣ сказывается на послѣднихъ? развѣ эти послѣдніе руководятся въ школьной жизни и по выходѣ изъ школы тѣми идеалами, которые она создали подъ вліяніемъ хорошихъ педагоговъ? Кто же виноватъ? неужели эти послѣдніе, педагоги? Намъ думается, что во многихъ случаяхъ недостойное поведеніе молодежи, эгоизмъ—реализмъ въ жизни ея объясняется вліяніемъ среды изданіями, бьющими на то, чтобы побольше набербовать читателей изображеніемъ грязныхъ жизненныхъ картинъ, посѣщеніемъ театра, когда въ немъ даются оперетки, фарсы и т. п.

дять въ волевою слабость или нравственное безразличіе. Лучшія движенія сердца должны совершаться незримо, чтобъ ученикъ не видѣлъ ихъ проявленія всеневно и ежечаство, но глубоко ихъ чувствовалъ въ минуты своихъ серьёзныхъ невагодъ. Только при напряженной внутренней работѣ могутъ сложиться у человека опредѣленные убѣжденія, извѣстное міропониманіе и самостоятельный характеръ. Только путемъ упорнаго труда можно вооружить человека знаніями, столь необходимыми для сознательной борьбы со зломъ жизни и такимъ образомъ освѣжить общество истинными и достойными гражданами и поставить на высоту эту избранную часть народа.

В. А.

